ТАТЬЯНА

Устинова

первая среди лучших

Чудны дела твои, Господи!

Татьяна Витальевна Устинова

Чудны дела твои, Господи!

Серия «Татьяна Устинова. Первая среди лучших»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9001637
Чудны дела твои, Господи! : роман / Татьяна Устинова: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78148-5

Аннотация

Чудны дела твои, Господи! Как только Андрей Ильич Боголюбов вступает в должность директора музея изобразительных искусств в Переславле, вокруг него начинают твориться воистину странные, «чудные» дела! Бывшая директриса внезапно умирает прямо на глазах Боголюбова! Ему угрожают и пакостят: прокалывают покрышки, подбрасывают омерзительные записки, подозревают в попытках закрыть музей, даже пытаются убить!.. Скоро становится очевидно: здесь, в его музее, происходит нечто необъяснимое, грандиозное и темное. Боголюбову всерьез приходится взяться за расследование. И разобраться в своих чувствах к бывшей жене, которая неожиданно и совсем некстати появляется на пороге его нового дома, – воистину, чудны дела твои, Господи!

…Он все поймет, обретет новых друзей и старую любовь… Он заживет полной жизнью – в конце концов, самая интересная и насыщенная жизнь происходит как раз в тихой русской провинции!..

Татьяна Устинова
Чудны дела твои, Господи!

© Устинова Т., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Красная площадь, дом один, – такой адрес был указан на бумажке, и Боголюбов очень веселился, адрес ему нравился. К навигатору решил не обращаться, интересней ехать по бумажке.

Ухая поочередно всеми колесами в самые что ни на есть настоящие, подлинные «миргородские» лужи, Боголюбов объехал двухэтажные торговые ряды – облупившиеся колонны подпирали римский портик, меж колонн бабки в платках продавали семечки, резиновые сапоги, камуфляжные штаны и дымковскую игрушку, носились на велосипедах дети и лежали, свернувшись, ничейные собаки – и покатил по указателю с гордой надписью «Центр». Красная площадь – это, должно быть, самый центр, а как же иначе!..

Дом номер один он увидел сразу – на зеленоватом от времени и плесени жидком штакетнике выделялась новехонькая ядовито-синяя табличка с белой единицей. За штакетником был садик, бедный, весенний, серый, а за садиком уга-

дывался домик. Боголюбов притормозил возле покосившихся ворот и посмотрел в лобовое стекло.

…Ну что же! Начнем?..

Он вышел из машины, сильно хлопнул дверью. Звук резко прозвучал в сонной тишине Красной площади. По древней брусчатке семенили грязные голуби, равнодушно клевали крошки и от резкого звука лениво побежали в разные стороны, но не разлетелись. На той стороне возвышалась старинная церковь с колокольней, серое здание с флагом и памятник Ленину – вождь указывал на что-то рукой. Боголюбов оглянулся посмотреть, на что указывает. Получалось, как раз на дом номер один. Вдоль улицы тянулся ряд двухэтажных домов – первый этаж кирпичный, второй деревянный – и размещался магазин-стекляшка с надписью «Промтовары-кооп».

– Кооп, – сам себе сказал Боголюбов. – Вот так кооп!..

– Здравствуйте! – громко поздоровались совсем рядом.

Из-за штакетника подходил человек в клетчатой рубашке, застегнутой под подбородком. Он издалека старательно улыбался и заранее протягивал руку, как Ленин, и Боголюбов ничего не понял. Человек подошел и потряс рукой перед Боголюбовым. Тот догадался и пожал.

– Иванушкин Александр Игоревич, – представился человек и подбавил несколько ватт в сияние на физиономии. – Выслан встретить, проводить, показать. Оказать помощь, если необходимо. Ответить на вопросы, если возникнут.

– А в доме с флагом что находится? – задал Боголюбов первый из возникших вопросов.

Иванушкин Александр вытянул шею, заглянул за Боголюбова и вдруг удивился:

– А! Там у нас горсовет. Бывшее дворянское собрание. Памятник новый, в восемьдесят пятом году поставили, под самую перестройку, а здание семнадцатого века, классицизм. В двадцатых годах прошлого века там располагался комитет бедноты, так называемый комбед, затем Пролеткульт, а потом уже здание перешло…

– Здорово, – непочтительно перебил Боголюбов. – А озеро в какой стороне?

Иванушкин Александр уважительно покосился на брезентовый горб прицепа – Боголюбов привез с собой лодку – и махнул рукой в ту сторону, где над низкими домами висело красное закатное солнце.

– Озера там, километра три. Да вы проходите, проходите в дом, Андрей Ильич. Или вы сразу на озеро?..

– На озеро я не сразу! – заявил Боголюбов. – Я на озеро потом!..

Он обошел машину, распахнул багажник и за длинные ручки, как за уши, выволок баул. В багажнике находилось еще довольно много баулов – большая часть жизни Андрея Боголюбова осталась в багажнике. Иванушкин подскочил и стал тянуть баул из рук Андрея. Тот не давал.

– Ну что вы, – пыхтел Александр, – как же, я помогу, поз-

вольте.

– Не позволю, – отвечал Боголюбов, не выпуская баула, – я уж как-нибудь своими силами.

Он вышел победителем, захлопнул багажник, оказался нос к носу с существом в темных одеяниях и от неожиданности подался назад, пришлось даже взяться рукой за теплый бок машины. Существо строго, не моргая глядело на него как будто из черной рамы.

– Зачем пришла? – напряженным голосом пробормотал рядом Александр Иванушкин. – Уходи!

– Подайте на бедность сироткам, – отчетливо выговорила убогая в черных одеждах. – Ради Христа.

Боголюбов полез в передний карман, где обычно болталась мелочь.

– Мало подал, – презрительно сказала убогая, приняв в холодную ладонь монетки. – Еще давай.

– Уходи, кому говорю!..

Боголюбов оглянулся на Иванушкина. Тот почему-то стал бледен, как будто перепуган, хотя ничего особенного не происходило.

– Уезжай отсюда, – велела кликуша, когда Боголюбов сунул ей бумажку – полтинник. – Нечего тебе тут делать.

– Я сам разберусь, – пробормотал Андрей Ильич, закидывая за плечо баул.

– Беда будет, – пообещала убогая.

– Уходи! – почти крикнул Иванушкин. – Еще каркает

тут!..

– Быть беде, – повторила убогая. – Собака выла. Смерть кликала.

– Жил-был у бабушки серенький козлик, – пропел Андрей Ильич на мотив «Сердце красавицы склонно к измене», – жил-был у бабушки серый козел!

– Вы не обращайте внимания, Андрей Ильич, – чуть задыхаясь, говорил сзади Александр Иванушкин, пока они шли к дому по мокрой дорожке, засыпанной прелыми прошлогодними листьями, – она ненормальная. Все какие-то беды пророчит, несчастья, хотя это и понятно, она сама человек несчастный, ее можно простить.

Боголюбов сделал оборот, едва не задев баулом по носу взволнованного собеседника.

– Да кто она-то?..

– Матушка Ефросинья. Это мы ее так зовем, хотя монашеского звания она не имеет, так, убогая просто. Ради Христа ходит просит, вот живет, не гонит ее никто, и вы не обращайте внимания…

– Я не обращаю. Это вы чего-то переживаете!..

– Да как же! Вы мое новое начальство, директор музея-заповедника, большая величина, я вам все условия создать должен…

Загремело какое-то железо, как будто протащилась цепь, и прямо под ноги Боголюбову выкатилась мерзкая грязная собака с оскаленной пастью, всхрапнула и отчаянно забре-

хала, припадая на передние лапы. Боголюбов, не ожидавший ничего подобного, оступился, тяжеленный баул поехал, накренился, и Андрей Ильич, новый директор музея-заповедника и большая шишка, брякнулся в грязь прямо перед носом бесновавшейся собаки. Она захлебнулась лаем и стала рваться с цепи с утроенной силой.

– Андрей Ильич, ах, как нескладно! Давайте, давайте, вставайте! Вы не ушиблись? Да что ж такое-то?! Пошла вон отсюда! Место! Иди на место, кому говорю! Держитесь за руку, Андрей Ильич!

Боголюбов оттолкнул руку Иванушкина, кряхтя, поднялся из жидкой грязи. Баул валялся в луже. Собака билась в истерике прямо перед ним.

– Утопить бы ее, да некому. Хотели, чтоб ветеринар усыпил, а он говорит, что без разрешения хозяев усыплять не имеет права, вот, Господи помилуй, незадача какая!..

– Так, все, – распорядился Боголюбов, – хватит. Вода в доме есть?

Руки, джинсы, локти – все было в черной смачной грязи. Жил-был у бабушки серенький козлик!..

– Вода, – бормотал сзади Александр Иванушкин, поднимаясь следом за Боголюбовым на крыльцо, – вода у нас есть, насос качает, и колонка есть, греет, так что… Вы меня извините, Андрей Ильич, за недосмотр, что ты будешь делать…

Боголюбов одну за другой толкнул белые крашеные двери и вошел в тихий полумрак, пахнущий чужой жизнью и ста-

рым деревом. Помедлил и один о другой стащил ботинки – полы были устланы чистыми половиками.

– Ванна в кухне, – продолжал сзади Иванушкин Александр, – там и колонка, и раковина. А туалетик дальше по коридору, вон последняя дверь, только крючок приладить надо, я не успел.

– Туалетик, – повторил Андрей Ильич и стал расстегивать и стаскивать джинсы прямо посреди коридора. – Как вы думаете, Александр, нам удастся отстоять мои вещи? Или чудовище уволокло их в свою пещеру?..

Новый подчиненный вздохнул.

– Она под крыльцом живет, – сказал он и отвел глаза, – привязали, когда директор слег. Он, бедолага, не сразу помер, лежал месяца три. А она никого к себе не подпускает! Бывало, срывалась, убегала, но потом приходила, ее опять привязывали. Еду туда, под крыльцо, кидаем. Усыпить бы ее верное дело, а еще лучше пристрелить. У вас ружья нет?..

Иванушкин помедлил и загрохотал башмаками по крашеным полам – отправился спасать вещи нового начальника. Боголюбов стащил джинсы и, неся их в отставленной руке, вошел в тесную кухоньку. Здесь были круглый стол, покрытый клеенкой, несколько жестких стульев, мрачный буфет с оторванной дверцей, щербатая раковина, плита времен Очакова и покоренья Крыма, длинная узкая латунная ванна с двумя краниками и газовая колонка на стене.

Андрей Ильич швырнул джинсы в ванну, повернул кра-

ник – внутри дома что-то засипело, поднатужилось, захрюкало. Долгое время ничего не происходило, а потом из краника полилась вода.

– И на том спасибо, – пробормотал Андрей Ильич и стал энергично намыливать руки куском розового земляничного мыла, пристроенного на край ванны.

В конце концов, это даже забавно. Козлик начинает новую жизнь на новом месте. Нет, нет, не козлик, а целый козел. Жил-был у бабушки серый козел!..

Александр Иванушкин втащил баул – с одного боку тот совершенно промок – и завздыхал.

– Что вы сопите? – осведомился Боголюбов, выуживая из баула чистые джинсы. – Лучше расскажите, как обстоят дела во вверенном мне музейном учреждении!

– Закрывать нас приехали? – спросил Александр бодрческим тоном. – Или перепрофилировать?.. В городе идут разговоры, что музей закрывают. А к нам не только школьники и пенсионеры, к нам научные работники со всей страны едут, иностранцы тоже. Мы тематические программы, лекции проводим, наш музей – центр культурной жизни всей области, так сказать.

Боголюбов, натянув джинсы, сдернул с круглого стола клеенку, скатал ее в огромный бесформенный ком и поискал глазами, куда бы выбросить. Не нашел и сунул на стул, за плиту. Александр проводил ком глазами.

– В этом доме старый директор жил, – выговорил он с тос-

кой. – Пока не умер.

– Пока не умер, жил, – повторил Боголюбов. – Это логично.

– Мы ведь думали, Анну Львовну назначат, а оказалось, по-другому решили. Вас назначили. В Москве видней, конечно.

– Конечно, – согласился Андрей Ильич. – Высоко сижу, далеко гляжу.

– Анна Львовна в возрасте, естественно, но специалист большой, всю жизнь в нашем музее проработала. Вам бы с ней поговорить, Андрей Ильич. Так сказать, для начала, для вхождения в курс. А то ведь поздно будет…

– Почему поздно? – рассеянно спросил Боголюбов, прикидывая, когда именно стирать джинсы – прямо сейчас или подождать, пока Иванушкин перестанет окружать его заботой и вниманием.

Александр вздохнул так, что широченные плечи, стиснутые клетчатой рубашкой, поднялись и опустились.

– Уезжает Анна Львовна, – горестно поведал он. – К сыну в Кисловодск. Хотела еще до вашего приезда, да мы уговорили задержаться… Как узнала, что новый директор из Москвы назначен, так и стала собираться. Она же на пенсии давно, заслуженный работник культуры, человек уважаемый. А с ней так… поступили.

– Ну, если вы намекаете, что я подсидел уважаемую Анну Львовну, – сказал Боголюбов, так окончательно и не решив

про штаны, – то не старайтесь особенно. Я ее не подсиживал.

– Что вы, что вы, – перепугался Александр, – как можно! Я и сам тут человек новый, только три месяца как, просто мы не ожидали вашего назначения.

– Я сам не ожидал, – признался Андрей Ильич. – А что делать?..

– Фу-ты, – сказал Александр и расстегнул и опять застегнул пуговку на тесном воротнике. – Как нескладно-то…

– И не говорите, – согласился Боголюбов.

Большими шагами он обошел три тесные комнатки. Одну из них почти целиком занимала пышнотелая кровать с никелированными шишечками и горой подушек, на подушки наброшено связанное крючком покрывальце. В другой были письменный стол под зеленым сукном, окно, выходившее в бедный и голый вечерний сад, книжные шкафы с мутными волнистыми стеклами без единой книги и пара пыльных диванов, а в третьей стол, не круглый, а овальный, пустая посудная горка, какие-то портреты в рамах, еще один продавленный диван и несколько колченогих стульев. Из коридора узкая лесенка вела на второй этаж.

– Наверху холодная и чердак, – проинформировал Александр Иванушкин. – Старый директор в холодной мастерскую устроил. Он живопись очень любил и астрономию тоже. А наверху как раз света много!.. Он там и картины свои писал, и телескоп держал.

– Телеско-оп? – удивился Андрей Ильич. – А вы раньше

где работали?..

– В Ясной Поляне, – быстро ответил Иванушкин. – Научным сотрудником. Сюда с повышением пришел, заместителем директора. То есть вашим заместителем.

– Ясная Поляна – место известное. Я бы даже сказал, знаковое, – пробормотал Боголюбов. – Не скучно вам здесь? Все же масштабы другие.

– Мне не скучно, – ответил Иванушкин с некоторым вызовом. – У нас вообще не скучно, Андрей Ильич. Наверное, после Москвы так не кажется, привыкнуть надо, но человек думающий всегда и везде найдет себе подходящее занятие и возможность продолжать научную работу. Я с Лондонской национальной галереей состою в постоянной переписке, к лету ждем оттуда коллег, которые европейскую живопись девятнадцатого века изучают. У нас отличная коллекция, все в полном порядке!.. Такой коллекцией, как наша, не всякий столичный музей может похвастаться.

– Здорово, – оценил Боголюбов. – А где еды купить?.. Или вы только духовную пищу принимаете?

– Почему, не только духовную… – Александр потянул себя за клетчатые манжеты. – У нас, как везде, супермаркет есть большой, прямо напротив, за горсоветом. Называется «Мини-маркет «Лужок». Рынок есть, но сейчас уже закрыт, конечно. Другие магазины всякие. Рядом с вами булочная, называется «Калачная № 3», прямо здесь, на Красной площади, а дальше «Мясо-рыба». Модест Петрович ресторан

держит для туристов, трактир «Монпансье» называется, тоже тут рядом, по правую руку. Вкусно, но дорого очень. Теперь всех на старину тянет, особенно столичных жителей. Очень им нравятся трактиры, калачные! У нас гостиница, и та – «Меблированные комнаты мещанки Зыковой»!

– А что? Хорошо придумано.

– Так закрывать нас приехали или только перепрофилировать?..

Боголюбов, которому надоел заместитель с его заискивающим видом и нелепой клетчатой рубашкой, объявил, что музей как пить дать будет перепрофилирован в развлекательный комплекс, а территория поделена между лечебницей для наркоманов и стрельбищем, а он, Александр Иванушкин, возглавит направление по работе с трудными подростками.

Александр моргнул.

– Спасибо большое, – сказал Андрей Ильич. – За теплый прием, за любовь, за ласку! Завтра часов в десять заходите за мной. Отправимся на рабочее место, посмотрим, что нужно сделать в плане будущего пейнтбола. А сейчас – прошу прощения. Мне бы вещи разобрать.

Гость – или, наоборот, хозяин?.. – закивал и поспешно ретировался. Между старыми яблонями мелькнула клетчатая рубашка и пропала за штакетником.

Андрей Ильич перетаскал из машины вещи, простирнул в тазу джинсы. Затем вышел из дома. Мерзкая собака кину-

лась ему под ноги, давясь и захлебываясь лаем. Цепь не пускала ее, но Боголюбов все же шарахнулся в сторону и опять чуть не упал.

Он подошел к машине и не поверил своим глазам. Правая передняя покрышка была порезана, отчего казалось, что машина внезапно охромела на одну ногу. Из резинового обода торчал нож, пришпиливший грязный лист бумаги. Боголюбов присел и посмотрел.

«Убирайся, пока не поздно», – было накалякано черным маркером.

Боголюбов с трудом вытащил нож, скомкал бумагу и огляделся.

Никого не было на площади, только в отдалении мужик катил тачку, громыхавшую по древнему булыжнику, и длинная фигура в черных одеждах крошила из пакета хлеб совавшимся голубям.

В трактире «Монпансье» было как у Андрея Ильича в доме – крашеные полы, чистые половики, на окнах горшки с геранью, на скатертях оборочки, связанные крючком, – и народу никого, только музыка играла громко. По плоскому телевизионному экрану скакала фиолетовая силиконовая блондинка.

В центре накрыт длинный стол – посередине букет и композиция из бананов и ананаса.

Андрей Ильич вздохнул, сел у окна, потрогал герань и по-

нюхал ладонь – до чего вонючий цветок, невозможно!.. Хозяйственные дела – и вообще дела! – на сегодня закончены: он добрался до «места назначения», познакомился с заместителем, свалился в лужу, «заселился», получил предложение убраться вон, простирнул штаны, перетаскал из машины вещи. Теперь ему хотелось поесть и выпить. Он еще понюхал ладонь. Запах герани напоминал детство и болезнь под названием «свинка». Бабушка всегда подкладывала в компресс листы герани: почему-то считалось, что они «лечат».

За стойкой произошло какое-то движение, мелькнул свет, открылась и закрылась дверь. Боголюбов ждал. Из-за стойки выскочил бойкий молодой человек, причесанный на пробор, с кожаной папкой в руках и в длинном белом фартуке. Папку он держал перед собой, как щит.

– Добрый вечер! – выпалил молодой человек. – Мы закрыты на спецобслуживание, там на двери табличка.

– Поужинать дадите?

Официант загородился папкой.

– Мы закрыты, – повторил он. – На двери висит табличка. У нас сегодня большой банкет.

– Мне бы горячего чего-нибудь. Скажем, супу. Есть солянка? Ну и мяса, что ли. И кофе сразу. У вас кофемашина варит, или вы своими силами справляетесь?.. Если своими силами, тогда лучше чаю.

Официант затосковал.

– Спецобслуживание у нас, – повторил он. – Вы что? Не

понимаете?.. Я сейчас.

И ринулся за стойку.

– Потише звук сделайте! – вслед ему крикнул Боголюбов. – А лучше совсем выключите!

Фиолетовую блондинку на экране сменил изможденный брюнет и наддал про любовь. Рядом с боголюбовским столом неслышно материализовался большой серый кот, уселся посреди половика, подумал и стал умываться. Вид у него был заспанный.

Боголюбов, которому надоело ждать, когда на кухне закончится совещание, встал и подошел к разорявшемуся телевизору. Как же его выключить, а?.. Из розетки, что ли, выдернуть?..

– Добрый вечер, – выговорил сочный бас. Боголюбов заглянул за панель в поисках розетки. – Мы в нашем трактире всегда рады гостям, но сегодня, к сожалению, не можем вас угостить! У нас мероприятие…

Розетка оказалась высоко. Боголюбов, придерживая пластмассовый угол, потянулся и выдернул штепсель. Экран погас, песнопения прекратились.

– Вот как прекрасно, – в наступившей тишине пробормотал Андрей Ильич и вылез из-за телевизионной панели.

Обладатель сочного баса оказался крепким седым мужиком, одетым в черный залоснившийся костюм и почему-то в галоши. На носу нелепо торчали очки. Давешний молодой человек маячил у него за плечом.

– Здрасте, – поздоровался Боголюбов. – До чего я эту музыку не люблю! Вот не люблю, и все тут!..

– Многие гости любят, – ответил мужик, рассматривая его. – Как же в ресторане без музыки?..

– Модест Петрович, – душевно произнес Андрей Ильич, – вы мне дайте поужинать, и дело с концом. На банкет и спецобслуживание я не претендую. Есть очень хочется!.. И выпить бы неплохо тоже. А «Калачная № 3» на замке. Что нам делать?

– Вот так даже, – задумчиво протянул мужик. – А вы, значит, кем будете?..

– Я буду директором музея, – сообщил Боголюбов. – Да я уже, собственно, и есть директор!.. Ваш сосед, проживаю по адресу Красная площадь, дом один!..

– Я даже не видел, как он зашел, – сунулся официант.

– А Слава где? – не поворачивая головы, спросил Модест Петрович, и официант сорвался и куда-то побежал, видимо, искать Славу, проглядевшего Боголюбова. – А вы проходите, присаживайтесь! Конечно, покормим, раз такое дело. Давно приехали?..

– Сегодня и приехал.

– Так это ваша машина с лодкой на прицепе?

– Моя, – признался Боголюбов, обошел кота и уселся на прежнее место под геранью.

– Рыбак? Охотник?

Андрей Ильич покивал – и рыбак, и охотник.

– А… откуда имя мое знаете?

– Разведка донесла, Модест Петрович!..

– А вас как именовать прикажете?

Андрей Ильич назвался. Несмотря на все странности и неприятности сегодняшнего дня, у него было хорошее настроение. Самое главное – начать. Он долго готовился, собирался, примеривался, зная, что дело его ждет трудное. Сегодня трудности начались, и это очень хорошо. Раз начались, значит, дальше они пойдут к концу, обратного хода нет. Пойдут, пойдут и когда-нибудь кончатся!..

– Мне бы супу горячего, – попросил Боголюбов. – Мяса жареного. И водки… сто пятьдесят.

– Может, двести? – усомнился Модест Петрович.

Андрей Ильич засмеялся.

– Двести, Модест Петрович, это к приключениям! А мне на сон грядущий.

Модест кивнул, принимая объяснение, повернул и подтолкнул официанта, вознамерившегося положить перед клиентом папку, ушел за стойку и вернулся со штофом зеленого стекла, двумя стопками и тарелкой, на которой было разложено розовое сало.

– Позвольте угостить нового директора. – Он водрузил на скатерть тарелку и ловко разлил по стопкам водку. – Ну, с приездом и для аппетита!

Они чокнулись и синхронно опрокинули.

– Закусить, закусить, Андрей Ильич! Мы сальце сами со-

лим, к нам за ним из Москвы едут!

Боголюбов закусил.

– За что же в столице такое к нам неуважение и недоверие оказывают?..

– В каком смысле?

– Да вот… вас прислали! Вы ведь небось человек занятой, к столичной жизни привычный! А у нас тут тишина, скука. Неторопливость наблюдается. Неловко вам здесь будет. Да и вникнуть надо. А Анна Львовна тридцать лет музей содержит так, что любо-дорого, в иностранных путеводителях он обозначен! И такое к ней нерасположение вдруг проявилось! Она ведь и при покойном директоре все сама, все сама. До всего доходила, во все дела вникала!..

Боголюбов подцепил с тарелки еще кусок.

– Вкусное у вас сало.

– Стараемся. Да вы кушайте, кушайте!.. Костик, поторопи там соляночку!.. Чтоб огненная была!.. У нас ведь какие слухи ходят? У нас поговаривают, что не просто так из столицы человека присылают, а за каким-то надом!.. Стало быть, музею нашему теперь крышка.

– Почему? – удивился Боголюбов.

…На самом деле это интересно, что хозяин ресторана «для туристов» так широко осведомлен о жизни музея! Болеет, можно сказать, за музейное дело!

– Так говорят, – уклончиво ответил Модест Петрович. – А вы ведь с Анной Львовной незнакомы?

Боголюбов отрицательно покачал головой.

– Так сейчас и познакомитесь!.. – Андрей Ильич перестал жевать и воззрился на собеседника. – Все, все у нас будут, и Анна Львовна, и Ниночка, и Дмитрий Павлович, и Александр Игоревич, все музейные!.. И сам Сперанский обещался! Банкетик-то как раз для них формируем. Провожаем, так сказать, Анну Львовну на заслуженный отдых, уезжает она от нас. Вы к нам, а она от нас, вот как получается.

…Вот это совсем не дело. Знакомиться с сотрудниками в трактире «Монпансье» в планы Боголюбова не входило. Нужно быстро поесть и убраться восвояси. А то еще Анна Львовна взволнуется!..

– Модест Петрович, – душевно попросил Боголюбов, – ну что я буду портить людям праздник и застолье! Вы мне поесть дайте, и я пойду вещи разбирать.

– Как же так? Знакомиться не хотите?! Не по-людски как-то получается.

Андрей Ильич, разумеется, предполагал познакомиться, но… на своей территории и на своих условиях. Он должен оценить каждого сотрудника правильно, как известно, первое впечатление почти всегда самое верное. Боголюбов знал, что никто из них не ожидал его назначения, и прежде всего он должен посмотреть, как они станут на него реагировать – на работе, в кабинете, где угодно, только не в трактире!.. Да и водки он уже тяпнул и теперь чувствовал, как налились жаркой краснотой щеки и уши. От водки у него всегда де-

лался вид на манер Петрушки из детской книжки!

Официант принес глиняный горшочек, накрытый сверху ломтем черного хлеба, и трепетно поставил перед Боголюбовым. Модест Петрович поднялся.

– Ну, приятного аппетита!.. Соляночка у нас знатная, специально из Москвы едут на нашу солянку… Да вот и первые гости. Дмитрий Павлович, дорогой, проходите, заждались!..

Андрей Ильич снял с горшочка хлеб, понюхал сначала ломоть, потом солянку. Посолил и поперчил. Поворачиваться ему не хотелось, и вдруг стало так неловко, что взмокла шея. Он уткнулся в горшочек и стал хлебать огненный суп. За спиной у него происходило какое-то движение, отодвигались стулья, раздавались громкие голоса:

– Сюда, сюда, здесь не дует!.. Анна Львовна, может, вам креслице? Нинуль, смотри, какой букетик прекрасный! Поближе, поближе!.. А жюльен будет? Так люблю жюльен!.. Все, все будет!..

Боголюбов ел. Кот, которому надоел шум, презрительно дернул ушами и мягко вспрыгнул на стул напротив Андрея Ильича. Тот скорчил ему рожу.

Модест Петрович загудел приглушенным басом – бу-бу-бу, – и Боголюбов понял, что вот-вот начнется. Говорят про него, сейчас кто-нибудь подойдет. И рассердился.

Он положил ложку, еще посмотрел на кота, поднялся и повернулся.

– Добрый вечер, – громко и весело поприветствовал он

компанию за столом. Разговоры вмиг смолкли. Модест Петрович отодвинул губы от уха представительного молодого мужчины, перестал гудеть и уставился на него. – Меня зовут Андрей Ильич Боголюбов!.. Я назначен новым директором музея изобразительных искусств и всего музейного комплекса, так сказать, в целом!.. Я ни в чем не виноват, меня министр культуры назначил. Хотя можно успеть подсыпать мне в солянку толченого стекла, я еще не всю доел.

И поклонился. За столом молчали.

– Остроумно, – произнесла наконец дама, судя во всему, оскорбленная его назначением Анна Львовна. – Присоединяйтесь к нам. Никто не возражает?

– Конечно, нет, Анна Львовна!

Молодой мужчина поднялся – он был высокий, широкоплечий, с приятным русским лицом, – и пошел в обход стола к Боголюбову.

– Дмитрий Саутин, бизнесмен, занимаюсь тут делами понемногу…

– Дмитрий Павлович очень помогает музею, – сказали из-за стола. – И в администрации за нас заступается, и праздники устраивает, и книжки за свой счет печатает.

Они сошлись на середине зала и пожали друг другу руки.

– Давайте, давайте к нам! Ловкий ты человек, Модест Петрович, вот какую нам встречу организовал в неформальной обстановке!.. И здесь успел.

– Да я тут при чем?.. Он сам пришел, поесть попросил…

– Добрый вечер, – пробормотал Александр Иванушкин и проверил, надежно ли застегнут ворот его клетчатой рубашки.

– Да мы уже виделись.

– Мы днем виделись, а теперь вечер…

И тут заговорили все разом:

– Дамам шампанского подать?.. Полусладкое есть, хорошее.

– Давай, давай, Модест Петрович! Что протоколом предусмотрено, все неси!..

– Анна Львовна, ангел-хранитель нашего музея, бесценный человек, великий знаток своего дела. В Европе ее знают и с ней считаются.

– Хватит болтать, Дима.

– Так ведь это чистая правда, Анна Львовна!..

…Странное дело. Боголюбов представлял себе бывшую и. о. директора музея совершенно другой. Он представлял заполошную музейную тетку в шали, захватанных очках и с кукишем бедных волос, из которого во все стороны лезут шпильки. Еще виделась ему почему-то кофта, непременно зеленая и непременно с подвернутыми рукавами, и клетчатая юбчонка. Анна Львовна оказалась совсем не старой, представительной полной дамой в шелковых свободных одеждах. Иссиня-черные волосы собраны в хвост, глаза густо подведены синим, а губы алым. На Боголюбова она смотрела оценивающе и как будто с насмешкой. В ней чувствовались

сила и спокойная уверенность. Это она принимала сейчас Боголюбова с его новым назначением, а не он Анну Львовну с ее только что свершившейся отставкой.

Она протянула руку, как для поцелуя. Он аккуратно пожал ладонь и отпустил. Она слегка усмехнулась:

– Надеюсь, что под вашим руководством музей будет процветать по-прежнему.

– А он процветает? – не удержался Боголюбов.

– Да, – резко ответила девушка, так же мало похожая на музейного работника, как и Анна Львовна, – представьте себе!.. Если вам не придет в голову на самом деле им руководить, он продолжит процветать.

– Нина!..

– Анна Львовна, я не святая! Мне кажется, после всего, что произошло, навязываться к нам в компанию – неприлично.

– Ниночка, – то ли попросил, то ли приказал Дмитрий Саутин, помощник во всех музейных делах и радетель за все начинания. – Не спеши. Человек первый раз нас видит, еще подумает невесть что!..

– Мне все равно, пусть думает что хочет. Если он не понимает, я уйду.

– Нина – научный сотрудник и один из лучших экскурсоводов, – отрекомендовал Дмитрий.

– Извините ее, Андрей Ильич, – сказала Анна Львовна, которую, казалось, забавляла эта сцена. – Она всего лишь

неравнодушна. Равнодушным людям живется легче, правда? Мы все были несколько обескуражены вашим назначением и таким скорым… прибытием.

Боголюбов, решивший было во что бы то ни стало уйти, и черт с ними, с недопитой водкой и несъеденным мясом, выдвинул из-за стола стул и основательно уселся. Уйти сейчас – значит признать свое поражение. Завтра в кабинете придется начинать не на пустом месте, а выбираться из ямы, в которую его вот-вот загонят.

Из ямы начинать ему не хотелось.

– Ну, Александр Игоревич вас сегодня встречал, вы уже познакомились, – продолжал представление сотрудников музея Дмитрий Саутин.

…Почему представляет он, а не Анна Львовна? Потому что он главнее? Потому что бизнесмен и дает деньги на самиздат?

– Асенька тоже экскурсовод, и тоже отличный!.. Очень хорошо работает с детьми. Да, Асенька?..

Девица кивнула, не поднимая глаз. Она как раз похожа на экскурсовода из провинциального музея, оценил Боголюбов, в отличие от яркой глазастой Нины. Серые волосы, серое личико, серый жакетик, на остреньком носике старомодные очки. Она сидела на краешке стула, сложив на коленях руки, совершенно безучастно. Разговоры, передвижения, перемещения вокруг стола как будто не касались ее, обтекали со всех сторон.

Боголюбов отвел взгляд и еще раз посмотрел. Она застыла, как мумия.

– Ну а это наши аспиранты! Музей на самом деле ведет серьезную научную работу, Андрей Ильич!.. Митя из Питера, помогает с реставрацией некоторых полотен, а Настя москвичка, как и вы!.. Пишет диссертацию по древнерусскому искусству.

– Здрасте, – сказал Митя из Питера. Он что-то жевал, глаза у него были веселые. – А вы раньше где работали? По строительной части проходили или по банному тресту?

Анна Львовна засмеялась и погрозила ему пальцем. Митя, поняв, что угодил, выудил из салата огурец и захрустел победительно.

Настя протянула Боголюбову руку и энергично тряхнула его ладонь.

– Морозова, – представилась она. – Коллекция древнерусской иконописи здесь не слишком большая, но значимая. Я очень благодарна Дмитрию Павловичу за идею сделать работу именно на местном материале. В Москве об этой коллекции мало знают, а не упоминает вообще никто! Вот Дмитрий Павлович и подсказал…

И она посмотрела на Саутина то ли с обожанием, то ли с благодарностью, Боголюбов не разобрал хорошенько.

Официант с пробором расставлял на столе жестяные плошки с желтым содержимым. Боголюбов вспомнил, что плошки называются «кокотницы», а содержимое «жюльен».

Жюльен в кокотнице в трактире «Монпансье» весенним вечером в самой что ни на есть русской провинции – красота!..

– Есть еще истопник Василий, он же сторож, – продолжала Анна Львовна. – Он тоже был приглашен на пир, но на радостях заранее запил. Еще, не дай боже, явится.

– Не волнуйтесь, Анна Львовна, – подал голос Александр Иванушкин. – Я к нему заходил. Спит он и проспится еще не скоро.

– Ну, – провозгласил Дмитрий Саутин, приноровился, взял стопку, и все разом зашевелились и встали, как по команде. Боголюбов от неожиданности остался сидеть. – Предлагаю первый тост за нашу драгоценную, несравненную Анну Львовну!.. Ее животворными усилиями питается родник здешней культурной жизни.

Анна Львовна светло улыбалась. Нина, не похожая на музейную работницу, сверлила Боголюбова глазами, метала огненные молнии. Александр Иванушкин сделал торжественное лицо. Студенты-аспиранты застыли в почтительности. Модест Петрович стоял по стойке «смирно», наклонив голову, как маршал Буденный во время речи Сталина на банкете. Асенька смотрела в скатерть.

– Наш музей без преувеличения – центр культурной жизни не только города, но и всего района. Усилиями Анны Львовны интерес к истории прививается и молодежи. Андрей Ильич, – обратился к нему Саутин, – я предлагаю за здоровье Анны Львовны выпить стоя!

Боголюбов моргнул и поднялся.

– А-а-а! – закричали от двери. – Ага-а-а!..

Асенька ни с того ни с сего уронила бокал с шампанским. Он зазвенел между тарелками, покатился, но не разбился. Александр Иванушкин оглянулся в изумлении. Модест Петрович пробормотал:

– Что такое?.. – и стал выбираться из-за стола.

Боголюбов вздохнул и одним глотком опрокинул в себя стопку.

– Без меня хотели?! Надеялись, не приду?! А вот фигу с маслом!.. Вы еще до рта не успели донести, а я уже тут! – продолжали бушевать у двери.

– Алеша, – растроганно сказала Анна Львовна, – Алешенька, дорогой!..

Дорогой Алешенька оказался дородным мужчиной в светлом плаще, шляпе и серой пиджачной паре. Раскинув огромные руки и чуть пританцовывая, он двинулся к Анне Львовне, сошелся с ней возле стола и облобызал троекратно, а потом еще приложился к ручке и замер в поклоне надолго. Все собравшиеся – сотрудники Андрея Ильича – любовались на них, у всех были умильные лица.

– Сперанский, – шепнул Боголюбову Модест, – сам!.. Обещал быть, и вот, видите, не обманул.

Андрей Ильич понятия не имел, кто такой «сам Сперанский», но на всякий случай тоже сделал умильное лицо.

В этот момент больше всего на свете ему хотелось оказать-

ся в домике из трех комнатушек по ту сторону Красной площади. Пусть даже чудовище из-под крыльца хрипит и кидается – все лучше, чем представление, в котором он вынужден участвовать!..

– Алексей Степанович, вот радость! Мы и не надеялись!

– А я не с пустыми руками!.. Эй, как тебя звать? Костик, что ли? Костик, подай-ка там сверточек!..

Модест Петрович кинулся, оттеснил Костика и сам подал «сверточек» – по виду картину, упакованную в коричневую бумагу и перевязанную шпагатом. Вся компания воззрилась на коричневый прямоугольник в неком, почти религиозном предвкушении.

Боголюбов пожал плечами, подцепил вилкой кусок сала, пристроил на хлеб и откусил.

– Ну, молодежь!.. Помогайте, помогайте!..

С картины вмиг была снята бумага, новый гость взялся за раму с двух сторон и водрузил полотно на свободный стул прямо перед Анной Львовной.

Та сложила под подбородком пухлые руки и замерла. Все, кроме Боголюбова, который все откусывал от хлеба с салом, жевал и смотрел на кота и на герань, сгрудились у нее за спиной и замерли.

– Господи, – выговорила Анна Львовна, похоже, в экстазе. – Алешенька, угодил, вот угодил!

Словно получив разрешение, сотрудники Андрея Ильича разом задвигались и заговорили:

– Боже мой!.. Нина, посмотри! Александр, вы видите, видите?.. Как, неужели сам?! Да вы отсюда посмотрите, как свет падает!.. Алексей Степанович, вы не понимаете, какой это подарок!

– Модест Петрович, – попросила Анна Львовна в изнеможении от переживаний, – дай мне воды.

– Сию секунду, Анна Львовна!.. Может, капелек накапать?..

– У нее сердце очень больное, – шепнул Боголюбову Иванушкин, выбравшись из круга восторгавшихся. – Никаких волнений, ничего нельзя!.. Только положительные эмоции.

– А сейчас какие? Положительные или отрицательные? – уточнил Андрей Ильич. Александр странно на него взглянул.

– Алешенька, за что мне такое внимание? Вот спасибо тебе, дорогой мой, вот спасибо!.. Знаешь ведь, как мне угодить!..

– Это что, сам Сперанский картину написал? Специально для Анны Львовны? – на ухо спросил у Александра Боголюбов.

– Да что вы!.. Алексей Степанович Сперанский – знаменитый писатель!.. Он книги пишет, а не картины!..

Боголюбов окончательно запутался.

– А чья тогда картина?..

– Как чья?! Его отца, Степана Васильевича Сперанского. Он был превосходный художник, неоцененный, конечно!

Анна Львовна гоняется за его работами. Просто гоняется!.. У нее особое чутье, она умеет художника разглядеть, хоть бы и не признанного! И поддержать умеет. А работы его только в коллекции его сына и нашего музея сохранились…

Боголюбов никогда ничего не слышал о превосходном художнике Сперанском, как и о его сыне, знаменитом писателе, и устыдился своего невежества.

– К столу, к столу!..

– Модест Петрович, еще бокальчик, Асенька свой уронила.

– Костик, подай бокальчик и прибери, видишь, в тарелке лужа!..

– Алешенька, ко мне поближе садись.

– Мы еще за Анну Львовну не выпили!..

Все разом вернулись за стол – одно место было занято портретом, и Боголюбову казалось, что теперь напротив него сидит крепкий бородатый старик с косой на правом плече. Бизнесмен Дмитрий Саутин договорил речь. Писатель Алешенька во время речи похохатывал и поглаживал руку Анны Львовны, и вообще главным теперь был он, и, казалось, все это понимают. На Андрея Ильича он не обращал никакого внимания, как будто не было за столом никакого Боголюбова.

Некоторое время все шумно ели и пили, вспоминали зиму, гулянье на Рождество, какую-то медовуху в монастыре, лошадь Звездочку, опрокинувшую сани, и необыкновенную

выставку, которую Анна Львовна «пробила» и организовала великолепно.

Боголюбов доел остывшую солянку, налил себе еще водки, тяпнул и огляделся с тоской. Его приятель-кот устроился спать на подоконнике под геранью, и Андрею Ильичу страшно захотелось спать, спать до самого утра и ни о чем не думать. Утро вечера мудренее, завтра он во всем разберется.

– Дому сему быть пусту, – вдруг раздалось поверх голосов. – Время пришло.

Голоса разом смолкли. Давешняя убогая – как ее? Матушка Евпраксия, что ли?.. – шагнула к столу и подняла руку.

– И городу, и дому пусту быть, – повторила она громко. – Кончилась ваша вольготная жизнь.

– Кто пустил-то? – забормотал Модест Петрович. – Как ты сюда попала? Слава, чтоб тебя, давай сюда! Костик!..

Нина смотрела на убогую с ужасом, Дмитрий Саутин перестал жевать, а писатель Сперанский похохатывать. Александр Иванушкин проверил, крепко ли застегнут воротник клетчатой рубахи, а аспирантка Настя подалась назад вместе со стулом.

– А ты здесь зачем? – строго и громко спросила убогая у Андрея Ильича. – Убирайся! Убирайся отсюда, пока не поздно!..

– Костик, зови Славу, и выведите ее!

– Сатана грядет, – объявила убогая, колыхнулся ее черный балахон, похожий на рясу. Анна Львовна двумя руками

прикрыла рот. – Никого не останется!..

– Господи, да прогоните вы ее! – закричала Нина.

Боголюбов решительно встал и взял убогую под локоть.

– Пойдемте, – и потянул ее за собой. – Достаточно.

Она опустила руку, обвела глазами притихших людей и пошла за Боголюбовым без всякого сопротивления. Он вывел ее на крыльцо под затейливый козырек с искусно вырезанными буквами «Монпансье».

Вечерело, и воздух был холодный и как будто лиловый. Андрей Ильич вдохнул полной грудью и отпустил острый локоть. Ему очень хотелось вытереть пальцы.

– Идите домой, – сказал он. – Где вы живете?..

– Я не живу. Никто не живет. Сатана придет, все погибнет.

– Это вы мне колесо прокололи?

– Уезжай отсюда, – велела убогая деловым тоном. – Одного уморили, за другим дело стало. Сейчас же и уезжай.

Позади затопали, на крыльцо вывалился официант, за ним маячил еще кто-то.

– До свидания. – Боголюбов подтолкнул убогую в спину и обернулся. – Подкрепление не требуется, мы обошлись своими силами.

Черная фигура растаяла, растворилась в воздухе, хотя на улице было еще светло, и пустая Красная площадь как на ладони, и на улице ни одной живой души, только брехали в отдалении собаки!.. Куда делась?..

Боголюбов немного постоял на крыльце, сунув руки в кар-

маны джинсов. Уйти?.. Или вернуться?..

– Да как ты допустил? – зычно спрашивал охранника Модест Петрович. – Видишь, она лезет, и выпроводи сразу!

– Да я только на пару минут отошел, Модест Петрович!

– Объяснительную пиши, и не будет тебе к майским никаких премиальных!..

Андрей Ильич вернулся в зал, где все хлопотали вокруг Анны Львовны, обошел картину и посмотрел хорошенько.

… Да. Замечательная картина. Ничего не скажешь.

– Виноват, не представился лично, – сказали рядом с ним громко. – Сперанский, писатель.

– Боголюбов, директор, – назвался Андрей Ильич.

– Да что ж вы так сразу брякнули, юноша?! Директор! Анна Львовна тут, да и вообще!

– Алешенька, ничего страшного, я не обращаю внимания! Кроме того, это же чистая правда! – подала голос все слышавшая Анна Львовна. По всей видимости, не так уж ей было плохо.

– Анна Львовна, не волнуйтесь только! – чуть не плача говорила Нина. – Вы не обращайте внимания!

– Я не волнуюсь, Ниночка.

– Наследство вам досталось сказочное, – продолжал Сперанский, буравя глазами Боголюбова. – Не всякий музей так содержится, как наш!.. Анна Львовна вам на блюдечке такое богатство поднесла!

– Какое же у нас тут богатство, Алешенька, что ты гово-

ришь?!

Писатель как будто осекся.

– Культурное, духовное!.. Какое же еще, Анна Львовна!..

Андрей Ильич слушал очень внимательно.

…Ничего не сходится, подумал он. Ну, ничего не сходится!.. Что тут творится? Как понять?.. И картина! Очень странный портрет.

– К столу, к столу, – вмешался Модест Петрович. – Жюльенчики остыли, сейчас повторим! Повторить жюльенчики, Дмитрий Павлович?

Постепенно веселье наладилось и пошло своим чередом. «Бокальчики» и «стопочки» исправно опрокидывались. Тосты встречались аплодисментами.

Анна Львовна смеялась низким смехом, ее шелковые одежды колыхались. Дмитрий Саутин что-то втолковывал писателю Сперанскому, Нина слушала их внимательно и время от времени совалась с какими-то вопросами. Студенты-аспиранты вышли, сказав, что «покурить», и Анна Львовна покачала головой, как бы давая понять, что должна рассердиться, но не в силах. Александр Иванушкин тоже куда-то делся. Модест Петрович хлопотал, очень старался, по деревянным крашеным полам стучали его галоши. Боголюбова после водки клонило в сон все сильнее, но ему казалось важным остаться еще, хотя и непонятно зачем. Завтра все равно придется начинать сначала.

– Анна Львовна, – спросил он, придумав. – Вы ведь завтра

уезжаете не с самого утра?

Она посмотрела на него с интересом, а Нина, наоборот, отвернулась.

– А что такое?

– Проведите для меня экскурсию по музею!

– Послушайте, – сказала Нина, глядя в сторону. – Анна Львовна не экскурсовод. Ей трудно проводить экскурсии. Если вам нужно, у меня завтра в десять группа. Можете присоединиться, а Анну Львовну оставьте в покое.

– Ниночка, не надо!.. А… вы хотите настоящую экскурсию?

– Ну да.

Анна Львовна задумчиво помолчала, потом сказала:

– Нет, это даже интересно. Хорошо, я согласна. Только не надейтесь, что я буду сдавать вам дела. Александр Игоревич прекрасно справится без меня, он в курсе всех вопросов.

– Никаких дел, Анна Львовна. Я буду самый внимательный и заинтересованный экскурсант. Стану ловить каждое ваше слово.

– Ах ты, господи, – пробормотала Нина.

– А мне можно присоединиться? – спросил Дмитрий Саутин. – Не помешаю!

– Конечно, можно, Дима! Вам все можно!.. – сказала Анна Львовна.

…Дожидаться чаю с тортом, о чем было объявлено отдельно – у нас такой «Наполеон», из Москвы едут, чтоб по-

пробовать! – Боголюбов не стал.

На улице сильно похолодало, в весеннем воздухе зажглись жидкие желтые фонари. На колокольне тоже горел одинокий фонарь, а возле Ленина целых три. Боголюбов перешел Красную площадь, постоял возле своей охромевшей машины. Было очень тихо, слышно только, как вдалеке глухо брешут собаки и где-то капает с крыши.

…«Вы человек занятой, к столичной жизни привычный! А у нас тут тишина, скука. Неторопливость наблюдается. Неловко вам тут будет. Да и вникнуть надо».

Вникнуть надо, подумал Боголюбов, нашаривая на калитке замшелую щеколду-«вертушку». Может быть, и хорошо, что так получилось – он увидел людей, и они его увидели, хотя, честно сказать, он ничего не понял. Вопросов только прибавилось, и, как именно он будет вникать в новую жизнь, пока неясно. И неловкость он чувствовал!..

По мокрой дорожке Боголюбов подошел к крыльцу. Он все время помнил про мерзкую собаку и все же пропустил момент, когда она выметнулась из-под крыльца, захрипела и стала рваться.

– Пошла вон! – сказал Андрей. – Ну! На место!..

Собака наддала сильнее, крыльцо заходило ходуном.

…Что с ней делать, вот вопрос. Усыпить? Утопить? Пристрелить?..

Что-то стукнуло в отдалении, довольно сильно, Боголюбов услышал это даже сквозь припадочный истерический

лай. Как будто упало и покатилось. На крыльце должен быть свет, но Андрей Ильич не знал, где он зажигается. Он нашарил холодную замочную скважину, повернул ключ и вошел.

…А здесь есть свет?.. И где выключатель?..

Звук повторился, он шел из глубины дома. Боголюбов ощупью пошел вперед. Собака бесновалась у него за спиной.

В лунном свете блеснуло пыльное стекло, потом обрисовалась какая-то картина в раме, будто из черноты вдруг выглянул кто-то безглазый, как в кошмаре. Андрей Ильич стиснул вспотевший кулак и оглянулся. За распахнутой дверью было светлее, чем внутри, из-за яблонь вставала громадная, страшная луна, голубой свет вливался в проем.

…Вернуться? Позвать на помощь?..

Андрей Ильич решительно шагнул в комнату.

Черная тень, растекшаяся по подоконнику, на секунду замерла в лунном свете и вывалилась наружу. Боголюбов бросился к окну – створка еще качалась, – высунулся и заорал:

– Стой! Стой, стрелять буду!..

Тень петляла между старыми яблонями, на миг возникла в воздухе, как будто подлетела, и пропала. Перепрыгнула забор, понял Боголюбов. Теперь не догнать.

– Да что происходит-то!..

От звука собственного голоса он как будто пришел в себя. Выключатель?.. Где этот чертов выключатель?!

Он нащупал на стене холодный кругляшок, потянул вверх язычок, зажмурился, но тут же открыл глаза и огляделся.

Окно было распахнуто, утлая решетка вывалилась наружу – должно быть, на крыльце он услышал, как она упала. В комнате все осталось в том же виде, что он застал днем, – овальный стол, несколько колченогих стульев и пустая посудная горка. Никаких следов разрушений и разорений.

Поочередно щелкая выключателями, Андрей Ильич обошел дом. В кухне над плитой висели джинсы, которые он старательно прополоскал в тазу. В спальне мирно дремала пышнотелая кровать с подушками и покрывалом. В кабинете стояли его неразобранные баулы и ничего не было тронуто. Дверь на чердак, где бывший директор то ли рисовал, то ли рассматривал звездное небо, оказалась приоткрыта, но туда Боголюбов не полез. Не хотелось ему лезть на чердак, ну совсем не хотелось!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.